



Именем  
Российской Федерации

# ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В.Тюрина

город Санкт-Петербург

15 апреля 2020 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47<sup>1</sup>, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С.В.Тюрина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.С.Бондаря, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации в случае, когда залогодателем является третье лицо, к отношениям между залогодателем, должником и залогодержателем применяются правила статей 364–367 данного Кодекса, если законом или соглашением между соответствующими лицами не предусмотрено иное.

1.1. В силу договора об ипотеке, заключенного 23 декабря 2014 года, залогом принадлежащих гражданину С.В.Тюрину жилых помещений было обеспечено исполнение гражданином Ф. обязательств по договору займа, который был заключен им в тот же день с гражданином Б. и предусматривал обязанность заемщика возратить сумму займа (890 тысяч долларов США) и уплатить причитающиеся проценты не позднее 23 марта 2015 года.

Решением Тверского районного суда города Москвы от 24 октября 2017 года по иску Б., предъявленному 13 июня 2017 года, с Ф. взыскана задолженность по договору займа и обращено взыскание на заложенное имущество. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 марта 2018 года решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Суд отклонил довод апелляционной жалобы о прекращении залога в марте 2016 года, т.е. по истечении года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства (23 марта 2015 года) и до предъявления иска об обращении взыскания на заложенное имущество. Суд также указал, что срок действия договора залога определен

сторонами «до полного исполнения заемщиком обязательств по договору займа», а предусмотренные статьей 352 ГК Российской Федерации основания прекращения залога отсутствуют. В передаче кассационных жалоб на данные судебные постановления для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции отказано (определения судьи Московского городского суда от 29 июня 2018 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 года).

По мнению заявителя, абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации противоречит статьям 15 (часть 1), 17 (часть 3), 18, 19 (части 1 и 2), 35 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку при наличии в договоре об ипотеке условия о его действии «до полного исполнения обеспечиваемого обязательства» он позволяет не применять правило пункта 6 статьи 367 данного Кодекса о том, что поручительство, срок которого не установлен, прекращается, если кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю. С.В.Тюрин утверждает, что такой подход допускает неопределенно долгое существование обязательства залогодателя, не являющегося должником по основному обязательству, если срок действия залога не установлен.

1.2. Как следует из статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе гражданина конституционность законоположений, примененных в его деле и затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых он ссылается; принимая решение по предмету, указанному в жалобе, и в отношении законоположений, конституционность которых подвергается сомнению, Конституционный Суд Российской Федерации оценивает как их буквальный смысл, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или

сложившейся правоприменительной практикой, исходит из их места в системе правовых норм и не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу является абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации в той мере, в какой на его основании решается вопрос о применении к отношениям с участием залогодателя, не являющегося должником по основному обязательству, правила пункта 6 статьи 367 данного Кодекса о том, что поручительство, срок которого не установлен, прекращается, если кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иск к поручителю.

2. Согласно Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина составляют обязанность государства (статья 2). Право частной собственности как элемент конституционного статуса человека и гражданина охраняется законом; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (статья 35, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Вытекающие из Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 8, 19 и 35, общепризнанные принципы неприкосновенности и свободы собственности, свободы договора и равенства всех собственников как участников гражданского оборота обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 20 декабря 2010 года № 22-П и др.). Следовательно, как указывал Конституционный

Суд Российской Федерации, предполагается и возможность обеспечения собственником исполнения обязательств за счет принадлежащего ему имущества, в том числе относящегося к объектам недвижимости (Постановление от 24 марта 2015 года № 5-П; определения от 17 января 2012 года № 10-О-О, от 28 июня 2012 года № 1252-О и др.).

Соответствующие конституционные положения получили развитие и конкретизацию в гражданском законодательстве. Граждане и юридические лица свободны в заключении договора, что предполагает равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность, в том числе при заключении собственником недвижимого имущества договора об ипотеке для обеспечения исполнения обязательств, включая обязательства, должниками по которым являются иные лица (статьи 1, 2, 334, 335 и 421 ГК Российской Федерации, статьи 1 и 2 Федерального закона от 16 июля 1998 года № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)»).

При удовлетворении требований залогодержателя за счет заложенного имущества должны соблюдаться предписания статей 17 (часть 3), 35 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в силу которых как осуществление права иметь имущество в собственности, распоряжаться им единолично или совместно с другими лицами, так и осуществление права на судебную защиту в случае неисполнения обязательств не должны нарушать права и свободы других лиц. Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, из правовой позиции, выраженной им в постановлениях от 24 марта 2015 года № 5-П и от 10 марта 2016 года № 7-П, следует, что регулирование обращения взыскания на предмет залога и его реализации должно осуществляться на основе баланса конституционно значимых интересов взыскателей и должников (Определение от 9 февраля 2017 года № 214-О). Это в полной мере распространяется и на регулирование отношений с участием

залогодателя, не являющегося должником по обязательству, исполнение которого обеспечено залогом.

3. Необходимым условием достижения баланса интересов взыскателей и должников выступает соблюдение общеправовых требований определенности, ясности и недвусмысленности правового регулирования, вытекающих, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципов правового государства, верховенства закона и юридического равенства, закрепленных в статьях 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 17 и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации (постановления от 17 июня 2004 года № 12-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 13 января 2020 года № 1-П и др.). Из требований правовой определенности, с учетом выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2017 года № 16-П правовых позиций, следует, что нормы, регулирующие отношения собственности и иные имущественные отношения, должны быть ясными, точными и непротиворечивыми, а механизм их действия – предсказуемым и понятным субъектам правоотношений, которые должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть правовые последствия своего поведения.

Дополнение Гражданского кодекса Российской Федерации оспариваемой нормой (Федеральный закон от 21 декабря 2013 года № 367-ФЗ, вступивший в силу с 1 июля 2014 года) коррелирует с упомянутыми конституционными предписаниями. Внесенными изменениями обеспечивается необходимая регламентация правоотношений с участием залогодателя – третьего лица, в том числе с учетом того, что в его соглашении с кредитором могут быть урегулированы не все вопросы. Применение к отношениям между должником, залогодержателем и залогодателем, не являющимся должником по основному обязательству, отдельных правил о поручительстве оправданно, принимая во внимание сходство этих

способов обеспечения исполнения обязательств. Заключая договор с поручителем или залогодателем – третьим лицом, кредитор желает получить дополнительные гарантии удовлетворения имущественного интереса, реализуемого в рамках основного обязательства, и не преследует самостоятельной экономической цели, состоящей в приобретении какого-либо блага. Исполнение обязательства поручителем, исполнение являющимся третьим лицом залогодателем основного обязательства и удовлетворение интереса залогодержателя за счет заложенного имущества, по общему правилу, ведут к переходу прав кредитора (пункт 4 статьи 348, статья 365 и подпункт 3 пункта 1 статьи 387 ГК Российской Федерации).

В силу прямого указания абзаца второго пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации правила статей 364–367 данного Кодекса применяются к правоотношениям между залогодателем – третьим лицом, должником и залогодержателем, если законом или соглашением между соответствующими лицами не предусмотрено иное. Применение к этим правоотношениям статьи 367 данного Кодекса о прекращении поручительства, в частности ее пункта 6 (пункта 4 в редакции, действовавшей до внесения в нее изменений Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ), правилами об ипотеке и общими положениями о залоге не исключено (пункт 1 статьи 1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)», абзац второй пункта 4 статьи 334 и статья 352 данного Кодекса), притом что перечень оснований прекращения залога (пункт 1 статьи 352 данного Кодекса) является открытым. Тем самым, по смыслу названных законоположений в их взаимосвязи, если залогодателем является третье лицо, а срок залога в договоре не установлен, залог прекращается при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога.

Упомянутое правило о прекращении поручительства, не допускающее бессрочного существования обязательства поручителя, направлено на обеспечение определенности в правоотношениях с его участием, из чего исходит и правоприменительная практика (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2015 года № 80-КГ15-18). Залогодателю, не являющемуся должником по обязательству, исполнение которого обеспечено залогом, также должна быть создана возможность в разумных пределах предвидеть имущественные последствия предоставления обеспечения. Отсутствие временных рамок для удовлетворения требования об обращении взыскания на предмет залога, срок которого в договоре не установлен, приводило бы к неопределенному во времени обременению права собственности залогодателя по не зависящим от него причинам. С учетом продолжительности общего срока исковой давности (статья 196 ГК Российской Федерации), правил о перерыве и приостановлении его течения и о его восстановлении сохранение возможности обратиться взыскание на предмет залога во всех случаях, пока может быть удовлетворено требование к основному должнику, нарушало бы баланс интересов участников данных правоотношений. Залогодатель, желающий распорядиться своим имуществом, был бы вынужден исполнять обязательство основного должника, притом что кредитор мог и не предпринимать действий по реализации своих прав. Следовательно, неопределенность срока существования залога вела бы к непропорциональному ограничению возможности участников гражданского оборота распоряжаться своим имуществом.

Таким образом, абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации – предполагающий во взаимосвязи с пунктом 6 статьи 367 данного Кодекса прекращение залога, срок действия которого не установлен соглашением сторон, при условии что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом



обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога, – вносит определенность в соответствующие правоотношения и стимулирует участников гражданского оборота к своевременной реализации прав.

На необходимость применения рассматриваемого правила к отношениям с участием залогодателя – третьего лица указывается и в судебной практике (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 года № 304-ЭС18-26241). Отказ в применении – вопреки буквальному содержанию абзаца второго пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации – к правоотношениям с участием залогодателя, не являющегося должником по основному обязательству, положения пункта 6 статьи 367 данного Кодекса о годичном сроке предъявления требований к поручителю, если срок поручительства не установлен, противоречил бы принципу поддержания доверия граждан к закону, на значимость которого неоднократно обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 22 января 2018 года № 4-П и др.).

4. Как следует из правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 23 декабря 2013 года № 29-П на основе ранее принятых решений, суд общей юрисдикции или арбитражный суд в силу статьи 120 Конституции Российской Федерации самостоятельно решает вопрос, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле. При этом Конституцией Российской Федерации (статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2; статья 19, часть 1; статья 120, часть 1) обусловлено требование единства практики применения законодательных норм всеми судами. Иное вело бы к нарушению принципа правовой определенности, подрывало бы доверие к закону участников гражданского оборота, соотносящих свои действия с законом в его официальном толковании.

Как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование нормативных положений, что обязывает суд следовать такому варианту понимания и применения норм, при котором исключается возможность ущемления гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина (постановления от 8 ноября 2012 года № 25-П, от 8 ноября 2016 года № 22-П, от 21 января 2019 года № 6-П и др.).

Соответственно, к отношениям с участием залогодателя – третьего лица упомянутое правило статьи 367 ГК Российской Федерации должно применяться на основе исследования фактических обстоятельств с учетом смысла, придаваемого ему в судебной практике, имея в виду, что срок предъявления требования к поручителю не является сроком исковой давности (пункт 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 года № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2018 года № 41-КГ18-16). Данному подходу не препятствует и пункт 1 статьи 207 ГК Российской Федерации о применении исковой давности к дополнительным требованиям.

Срок обращения взыскания на предмет залога, предоставленный лицом, не являющимся должником по основному обязательству, – пресекательный, т.е. это, по сути, срок существования залога. К отношениям с участием залогодателя – третьего лица не применяются правила главы 12 ГК Российской Федерации об исковой давности, в частности нормы о приостановлении и перерыве течения срока исковой давности и о его восстановлении. Последствия истечения срока предъявления требования к такому залогодателю, в отличие от последствий пропуска срока исковой давности (пункт 2 статьи 199 данного Кодекса), применяются судом по своей инициативе, независимо

от заявления стороны в споре. Это соответствует требованиям защиты прав такого залогодателя при соблюдении баланса интересов участвующих в сложившихся правоотношениях лиц.

Залог, в том числе ипотека, прекращается при наступлении указанных в законе обстоятельств, т.е. и при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога. При этом ипотека, как следует из части 12 статьи 53 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», прекращается независимо от погашения регистрационной записи об ипотеке и внесения в Единый государственный реестр недвижимости сведений о прекращении ипотеки.

5. В развитие вытекающего из Конституции Российской Федерации принципа свободы договора абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации предусматривает, что установленное им правило может быть изменено соглашением. Это позволяет достичь баланса интересов в отношениях между должником, залогодателем и залогодержателем и принять во внимание особенности отношений, сложившихся между должником и залогодателем – третьим лицом. Кроме того, в силу принципа свободы договора и с учетом абзаца второго пункта 1 статьи 335 и пункта 6 статьи 367 данного Кодекса соглашением сторон может быть предусмотрен срок действия залога.

Однако установление и оценка обстоятельств конкретного дела, включая разрешение вопроса о том, было ли волеизъявление сторон договора залога направлено на изъятие – как это допускает абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации – правоотношений из-под действия пункта 6 статьи 367 данного Кодекса и был ли сторонами в соответствии с правилами гражданского законодательства определен срок действия залога, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в статье 125 Конституции Российской Федерации,

Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся. Именно на суд, рассматривающий конкретное гражданское дело, возлагается обязанность, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения нормы, исследовать по существу все фактические обстоятельства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П и др.). При этом условия договора должны толковаться во взаимосвязи с другими его условиями, а также в соответствии с природой отношений сторон и их нормативным регулированием в целом (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1252-О).

6. Таким образом, абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает, что залог, срок действия которого не определен соглашением сторон, прекращается по основанию, предусмотренному пунктом 6 статьи 367 данного Кодекса (пунктом 4 в редакции, действовавшей до внесения в эту статью изменений Федеральным законом от 8 марта 2015 года № 42-ФЗ), т.е. при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога. Тем самым обеспечивается соблюдение принципов правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону.

При применении положений статьи 335 ГК Российской Федерации в их конституционно-правовом смысле, выявленном Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, суд должен установить и оценить все имеющие значение для разрешения дела обстоятельства, в том числе наличие – с учетом содержания договора об

ипотеке – условий для применения к отношениям с участием заявителя пункта 6 статьи 367 данного Кодекса.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47<sup>1</sup>, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать абзац второй пункта 1 статьи 335 ГК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования он предполагает, что залог, срок действия которого не определен соглашением сторон, прекращается по основанию, предусмотренному пунктом 6 статьи 367 данного Кодекса, т.е. при условии, что кредитор в течение года со дня наступления срока исполнения обеспеченного залогом обязательства не предъявит требование об обращении взыскания на предмет залога.

2. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Тюрина Сергея Викторовича, подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении, если для этого нет других препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)). Постановление должно быть

опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 18-П



Конституционный Суд  
Российской Федерации